

Д.В. Зайцева*

ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПАРИЖЕ ТЕРМИДОРИАНСКОГО ПЕРИОДА

В статье раскрываются специфические особенности публичного пространства термидорианского Парижа на основе анализа ежедневных донесений полицейских агентов, опубликованных французским историком А. Оларом в конце XIX в. Автор, в частности, исследует общественные настроения парижан, анализируя темы их разговоров в наиболее посещаемых публичных местах города – кафе и театрах. Кроме того, в работе рассматривается влияние значимых общественно-политических событий на тематику публичных дискуссий.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., термидорианский период, публичное пространство.

XVIII век стал поистине переломным для западной цивилизации. Это – период переоценки ценностей, растущих сомнений в необходимости христианской религии, время, когда еще недавно казавшиеся непоколебимыми истины подверглись сомнению; это эпоха господства рационализма, когда просвещенные элиты поверили в то, что с помощью разума можно изменить мир, придумать совершенно новый общественный порядок и воплотить его в жизнь.

В то время менялось не только сознание общества, но и само общество. Помимо официальной власти появилась новая, могущественная сила, имя которой – общественное мнение. Именно в XVIII в. этот феномен стал «мощным и влиятельным интеллектуальным, а порой и политическим фактором»¹. Любые изменения в социально-политической жизни государства тут же находили отклик в общественном сознании. Особую роль общественное мнение играло во Французской

---

* *Дарья Владимировна Зайцева, младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.*

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 14-18-01116.

¹ *Тортароло Э. Общественное мнение / Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 286.*

революции, когда общество «приобрело себе право свободно думать и говорить, понемногу утраченное монархом»². Происходил поиск новых форм социальности – повсюду, где имело место распространение идей: «в театрах, изменивших свое предназначение после падения прежней власти; в доступных для публики общественных местах, вроде праздничных эспланад; в таких недавно созданных и политически закрытых сообществах, как народные клубы. Но сюда же можно с полным основанием отнести кабаки, улицы и площади (где производились смертные казни), секционные собрания и комитеты бдительности»³. С началом якобинского Террора общественное мнение было поставлено под жесткий государственный контроль и лишь после переворота 9 термидора и ликвидации режима революционного правления смогло вновь заявить о себе.

Термидорианский период – это переходное время, характеризующееся «сочетанием разрыва и преемственности»⁴: с одной стороны, шло решительное отмежевание от прошлого, от наследия революционной диктатуры, с другой – происходил переход к конституционному способу управления государством и «закладывались основы политической системы Франции на следующие четыре года»⁵. Это был период, когда новая власть стремилась вывести страну из Террора⁶, а общество шаг за шагом возвращалось к мирной жизни и относительной свободе слова. По мере постепенного демонтажа революционной диктатуры происходило всё большее оживление активности прежних институтов общественного пространства. В кафе, театрах, клубах, светских салонах вновь закипели дискуссии о текущих событиях политической и общественной жизни.

Какие именно темы казались тогда наиболее актуальными? Как в рамках публичного пространства формировалось о них общественное мнение? На эти вопросы я попытаюсь ответить, проанализировав, как в термидорианском Париже функционировали наиболее демократичные и массовые институты публичного пространства – кофейни и театры. Основным источником исследования послужит опубликованное в конце

---

² Бурден Ф. Революционная аккультурация: борьба за новую социальность // ФЕ 2001. М., 2001. С. 201.

³ Там же. С. 201–202.

⁴ Подробнее см.: Бачко Б. Культурный поворот III года Республики // ФЕ 2000: 200 лет Французской революции 1789–1799 гг.: Итоги юбилея. М., 2000.

⁵ Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005. С. 5.

⁶ См.: Бачко Б. Как выйти из Террора? Термидор и революция. М., 2006.

XIX в. А. Оларом собрание донесений полицейских осведомителей, ежедневно посещавших места массового скопления горожан и докладывавших начальству обо всем там увиденном и услышанном⁷.

* * *

После 9 термидора парижские кофейни – это прежде всего популярное место встреч, куда приходят отдохнуть после работы, в первую очередь ремесленники и рабочие, место, где «играют, ссорятся, заключают пари, разговаривают о делах, ищут работу или жилье, поют, громко болтают, распространяют новости и запрещенные тексты, а при случае решают устроить забастовку»⁸. Судя по донесениям полицейских агентов, чаще всего парижане в кофейнях да и в прочих публичных местах говорили о политике.

В конце 1794 г. наиболее обсуждаемой темой был суд над Ж.-Б. Каррье и его пособниками. Член Конвента Каррье снискал себе славу одного из наиболее кровавых и беспощадных деятелей времен Террора. Во время своего пребывания в Нанте в качестве «проконсула» – так называли представителей Конвента на местах, наделенных практически неограниченными полномочиями, – он использовал для борьбы с «противниками Республики» такой способ казни, как массовые «потопления», за что после Термидора был призван к ответу. «Дело Каррье» широко освещалось в печати и, как докладывали полицейские агенты, активно обсуждалось публикой.

В донесении от 23 октября 1794 г. говорится, что «народ настойчиво требует ареста Каррье и предания его Революционному трибуналу»⁹. Добавлялось также, что «каждый по утрам ожидает увидеть его в числе осужденных»¹⁰. Вскоре Каррье был действительно отдан под суд, который 16 декабря 1794 г. приговорил его к смертной казни. Эта новость была с одобрением встречена парижанами, которые радовались судебному постановлению, вынесенному Каррье и его соучастникам¹¹. Случалось, что и сами участники процесса заходили в эти кофейни. Так, сообщалось, что однажды в кафе «Ка-

⁷ *Aulard A.* Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. P., 1898. T. 1–2.

⁸ *François E., Reichard R.* Les formes de sociabilité en France du milieu du XVIIIe siècle au milieu du XXe siècle // *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine.* 1987. № 3. Juillet-septembre. P. 453.

⁹ *Aulard A.* Op. cit. T. 1. P. 194.

¹⁰ *Ibid.* P. 204–205.

¹¹ *Ibid.* P. 319.

нонье» ужинал Жан Жак Гуллен, один из главных членов революционного Комитета Нанта, который незадолго до этого был оправдан судом, но публика узнала его и прогнала со словами: «То, что он был оправдан Революционным трибуналом, еще не значит, что его оправдало общественное мнение»¹². Помимо того, «одобряя приговор, вынесенный Каррье и двум его сообщникам, народ недоволен освобождением остальных нантцев. Последние обедали вчера у Мео в Пале-Эгалите, а вечером в кафе Фуа, Каво и других. Ропщут главным образом против судей, которые их оправдали. В десять часов вечера в кафе Каво распространилась новость, что Комитет общей безопасности хочет задержать нантцев, но установить ее источник не удалось»¹³.

Еще одна персона, вызывавшая живой интерес у парижан, – депутат Конвента Жан-Ламбер Тальен. Правда, в первые дни после переворота его имя в полицейских донесениях практически не встречается, хотя 9 термидора именно он первым выступил против Робеспьера. Но, когда в ночь с 9 на 10 сентября 1794 г. на него произошло покушение, слух о смерти депутата моментально разнесся по Парижу и стал одной из самых обсуждаемых тем. В газетах писали о том, что народный представитель якобы убит и событие это «является предметом всех разговоров»¹⁴. Пресса именовала Тальена «смелым депутатом»¹⁵, отмечая, что «народ принимает величайшее участие в том, кто первым осмелился выступить против Робеспьера»¹⁶. Покушение обеспечило головокружительный взлет популярности Тальена. Вот что об этом пишет политический деятель того времени Этьенн Паскье:

«Я видел его, когда спустя несколько дней вновь появился в театре Одеон. Все знали, что он [Тальен] должен прийти сюда, и ждали его. Никогда еще зрительный зал не был так полон. Места всем не хватало: лестницы были заполнены, также как и партер. Одним словом, какой прием! Мужчины, женщины – все поднимались на скамьи, чтобы как следует его рассмотреть.

Схожие сцены повторялись в течение всего конца этого года. Еще ни одна оказанная [обществу] услуга, какой бы значимой она ни была,

¹² Ibid. P. 322.

¹³ Ibid. P. 319.

¹⁴ Ibid. P. 93.

¹⁵ Ibid. P. 93.

¹⁶ Ibid. P. 93.

не вызывала такого признания, не вознаграждалась такой пылкой и трогательной благодарностью...»¹⁷

Однако сиюминутная вспышка народной любви вскоре угасает, и в публичных разговорах начинают обсуждаться и темные пятна в биографии Тальена, прежде всего его предполагаемой роли одного из организаторов сентябрьских убийств 1792 года: «Вчера в кафе дю Каво бурно выступали против представителя Тальена, и несмотря на его мнимые доказательства невиновности, его осуждали как одного из главарей убийств первых дней сентября 1792 г.»¹⁸ Подобные обвинения звучали неоднократно. В донесении от 1 сентября 1795 г. говорится, что в кафе молодые люди обсуждали народных представителей, включая Тальена, и «приводили в этой связи такие факты, которые вызывали достаточно язвительные эпитеты»¹⁹.

Очень часто общественное недовольство высказывалось против якобинцев: в течение всего термидорианского периода эта тема муссировалась в разных кофейнях и других публичных местах. Например, в одном из донесений от 7 января 1795 г. можно прочесть: «В кафе Канонье <...> поносят Марата и перевозноят Корде. По словам Готье, одного из наших служащих, посетители названного кафе намереваются отправиться на площадь Единения (Réunion) с кирками и рабочими инструментами и снести воздвигнутый ему памятник»²⁰.

Якобинцев винили во многих неприятностях и повторяли, что они – причина всех бед²¹. Нападки на них зачастую сопровождались пением «Пробуждения народа» – своего рода гимна Термидора. Также, согласно одному из донесений, «большая толпа молодых людей расхаживала по кофейням с возгласами «Долой якобинцев!», неся с собой бюст Марата, который в конце концов выбросила в фонтан Национального сада, распевая при этом «Пробуждение народа» и выкрикивая «Да здравствует Конвент!»²².

Много говорилось и о политике термидорианского Конвента. Если на первых порах звучали в основном восхищенные отзывы, то на исходе 1794 г. все чаще в полицейских донесениях можно найти свиде-

¹⁷ Mémoires du chancelier Pasquier, publiée par M. le duc d'Audiffret-Pasquier. P., 1893. T. 1. P. 113.

¹⁸ Aulard A. Op. cit. T. 2. P. 254.

¹⁹ Ibid. P. 212.

²⁰ Ibid. T. 1. P. 372.

²¹ Ibid. P. 372.

²² Ibid. P. 526.

тельства народного недовольства мерами Конвента и экономическим положением в целом.

Едва придя к власти, термидорианцы спешили поскорее порвать с прошлым. Один из первых декретов термидорианского Конвента отменял закон от 22 прериаля II года (10 июня 1794 г.) об упрощенной процедуре судопроизводства, который в свое время открыл дорогу Великому террору. С отменой его в начале августа 1794 г. по всей Франции прокатилась волна освобождений людей из тюрем. Эта мера вызвала бурю восторга у населения, свидетельства чего встречаются в полицейских донесениях практически ежедневно: «Общественное мнение по-прежнему имеет тенденцию к улучшению. Радость, появившаяся на многих лицах, кажется, укрепляет узы братства и возвещает о том, что многим гражданам была дана свобода <...>. Множество людей стекается к тюремным воротам, чтобы поздравить освобожденных граждан; величайшее спокойствие, величайший порядок и величайшая радость царят повсюду»²³. В последующие дни, 7 и 8 августа 1794 г., появляются аналогичные отчеты: «Общественное мнение по-прежнему соответствует истинным революционным принципам. Граждане заняты обсуждением многочисленных успехов наших войск, недавним торжеством свободы над тиранией»²⁴; «общественное мнение все еще сохраняет прежнюю энергию. Сердца, исполненные радости, позволяют выплеснуться чувствам, которые их наполняют. Они недвусмысленно выражают свое удовольствие от того, как Конвент идет к счастью Республики путем строгости, справедливости и гуманности»²⁵.

Вместе с тем едва ли не самой распространенной темой разговоров в парижских кофейнях была нехватка продовольствия и дороговизна товаров. Революция и война вызвали тяжелейший экономический кризис. Отвечая на требования беднейших слоев населения, Конвент 4 мая 1793 г. принял первый закон о «максимуме» – твердых ценах на зерно. Спустя несколько месяцев, 29 сентября, был издан декрет о всеобщем «максимуме», установивший не только твердые цены на продовольствие и предметы первой необходимости, но и верхний предел заработной платы наемных работников. В марте 1794 г. был принят очередной закон о максимуме, по которому верхняя планка цен повышалась, тогда как такса на заработную плату оставалась без изменений.

---

²³ Ibid. P. 22.

²⁴ Ibid. P. 23.

²⁵ Ibid. P. 26.

Со временем закон о максимуме показал свою неэффективность. Государственное нормирование цен в течение некоторого времени еще номинально сохранялось, но все более нарушалось на практике. Уже осенью 1794 г. закон о максимуме почти перестал соблюдаться, а декретом от 24 декабря 1794 г. были отменены все законы, касающиеся установления максимума цен на продовольствие и товары²⁶. Однако отмена максимума спровоцировала всплеск инфляции, во время которого биржевая спекуляция на ассигнациях и бумагах достигла невероятных размеров. В одном из донесений сообщалось, что «жадность торговцев в настоящее время находится вне всяких границ; цены на все товары установлены таким образом, что сто ливров бумажными деньгами стоят не больше десяти франков»²⁷.

Огромные состояния наживались на изменениях курса денег, на спекуляциях монетой и дефицитными товарами, на обмане во время поставок в армию, на воровстве государственного имущества и т.д. Все это вкупе с нехваткой продовольствия вызвало рост недовольства населения. С начала 1795 г. недовольство парижан Конвентом неуклонно усиливалось: в кофейнях и на улицах все чаще слышались жалобы на его политику. Особое раздражение вызывали многочисленные спекулянты, деятельность которых приняла массовый характер: «Чем более падали ассигнации, чем дороже становились продукты и товары, чем ужаснее была нужда – тем более занимались спекуляцией»²⁸. Граждане высказывались против спекулянтов, «алчность которых не знает границ»²⁹, а также говорили, что было бы неплохо, если бы правительство приняло карательные меры против биржевых игроков, которые делают все возможное, чтобы увеличить свои доходы³⁰.

Парижские рантье в свою очередь много жаловались на свое положение и говорили, что Конвент приносит их в жертву ради того, чтобы расточать свои милости фермерам, которые постоянно ими злоупотребляют и не прекращают раздражать общество своей бесчеловечностью и скупостью³¹.

²⁶ Документы истории Великой французской революции / Под. ред. Адо А.В. М., 1992. Т. 2. С. 143.

²⁷ *Aulard A.* Op. cit. Т. 1. Р. 636.

²⁸ *Добролюбовский К.П.* Экономическая политика термидорианской реакции. М.-Л., 1930. С. 186.

²⁹ *Aulard A.* Op. cit. Т. 2. Р. 7.

³⁰ *Ibid.* Р. 16.

³¹ *Ibid.* Р. 26.

Постоянно в публичных местах не стихали жалобы на голод. Практически каждый день появлялись сообщения о катастрофической нехватке продовольствия и самоубийствах среди граждан на этой почве. В донесении от 12 января 1795 г. сообщалось, что в кофейнях и кабаке «все те же разговоры о нехватке дров и угля. Деревенские жители грозятся больше не привозить съестные припасы, раз им мешают производить хлеб»³².

Недовольство экономическим положением привело весной 1795 г. к восстаниям в Париже. 1 апреля народ потребовал пересмотра политики властей, улучшения качества жизни и принятия Конституции 1793 года. Однако правительство на следующий же день с помощью армии разогнало восставших, которые не сумели скоординировать свои действия³³.

Власти не предприняли никаких действий, чтобы удовлетворить требования населения. Положение в стране продолжало ухудшаться: за месяц цены на хлеб вновь возросли, и, как следствие, в конце мая народ Парижа снова взбунтовался. На сей раз повстанцы вторглись в здание Конвента и убили одного из депутатов. Вскоре власти стянули в Париж войска и разоружили жителей предместий, а зачинщики и наиболее активные участники беспорядков были отправлены под суд³⁴. После апрельского восстания отношения к Конвенту ухудшилось. Все чаще в донесениях встречаются сообщения о критике Конвента и его политики: «В кафе Тюильри и Пале-Эгалите нехватка продовольствия вызвала очень дурные разговоры против Конвента, который, говорят, оказался в затруднительном положении из-за своей ошибки»³⁵. В донесениях от 2 апреля 1795 г. сообщается, что в кафе «Шартр» «один роялист высказался, что Франция слишком огромна, чтобы быть Республикой, и что мы не сможем обойтись без короля. Его попытались арестовать, но он скрылся в толпе»³⁶. В другом донесении того же периода говорится о другом субъекте, который «прокричал: «Да здравствуют якобинцы! Ко мне, патриоты!» Он был арестован и сопровожден в Комитет общей безопасности»³⁷.

³² Ibid. P. 30.

³³ Подробнее см.: *Тарле Е.В.* Жерминаль и прериаля // *Тарле Е.В.* Сочинения в двенадцати томах. М., 1959. Т. 6.

³⁴ *Чудинов А.В.* Французская революция: история и мифы. М., 2007. С. 305.

³⁵ *Aulard A.* Op. cit. T. 2. P. 99.

³⁶ Ibid. P. 631.

³⁷ Ibid. P. 631.

Будущая Конституция зачастую тоже подвергалась критике со стороны публики. Агент Компер докладывал, что слышал в кафе «Парнасс», «Манури» и «Режанс», как граждане «неблагоприятно отзывались о Конституции» и что «несмотря на старания правительства успокоить народ, давая ему немного больше хлеба и обещая прочие блага, <...> в некоторых департаментах и даже в наших войсках говорят о короле и желают короля»³⁸. Возмущались также депутатами, которые «с их жалованьем в 40 ливров в день не могут управлять нынешней системой и восполнять непомерные расходы, которые они производят каждый день», то есть «почти не занимаются нашими финансами и уменьшением наших несчастий»³⁹.

* * *

Еще одним важным местом формирования общественного мнения в период Термидора были театры. В донесениях, как правило, фигурируют наиболее популярные из них в то время – Фейдо, Искусств, Водевиль и прочие. Здесь, помимо спектаклей, обсуждали и общественно-политические события.

В первые месяцы термидорианской власти в донесениях из театров почти не содержится каких-либо значимых сведений. Агенты сообщали, что в многочисленных парижских театрах царит спокойствие, а «любовь к свободе и ненависть к тиранам – это два чувства, составляющие на сегодняшний день основу общественного мнения»⁴⁰.

Впрочем, и в театрах, как и везде, жаловались на вездесущих спекулянтов, которые наживались в том числе и на театральных билетах. Сообщалось, что перекупщики продают билеты по завышенным ценам, и с этим явлением очень сложно бороться. В донесении от 26 декабря 1794 г. говорилось: «Торговля билетами шла вчера весьма активно у входа в театр Искусств; арестовали семерых торговцев, которых сопроводили в полицию»⁴¹.

Бурное недовольство населения вызывало бронирование лож: люди с билетами, купленными в кассе, не находили себе свободного места, в то время как ложи пустовали. В этом видели «остаток прежних привилегий богатых, совершенно противоречащий господству

³⁸ Ibid. P. 190.

³⁹ Ibid. P. 266.

⁴⁰ Ibid. T. 1. P. 304.

⁴¹ Ibid. P. 340.

свободы»⁴². В театре Искусств, который являлся государственной собственностью, протестовали против бронирования лож особенно пылко, говоря, что это «нарушение принципа равенства и что никакие причины не могут оправдать эту привилегию для тех, кто хочет обеспечить себя местами заранее, оплачивая их по более высокой цене»⁴³. Как отмечает Луи-Себастьян Мерсье, бронирование лож – «это новейший плод распущенных нравов, непристойный обычай, приносящий как спектакль, так и публику в жертву двум-трем сотням высокомерных женщин, которые от нечего делать закрывают доступ в театр всем честным гражданам, ищущим в театре полезный отдых и не имеющим возможности позволить себе столь дорогое удобство. <...> Публика, не получив билетов, толпится у дверей залы, держа деньги в руках, и все это из-за лож, абонированных на целый год и пребывающих часто пустыми, к великому огорчению любителей, которые бегут искать утешения на бульварах, потеряв всякую надежду побывать в национальном театре»⁴⁴.

Сказывалась на театральной жизни и нехватка предметов первой необходимости. В донесении от 18 января встречается следующее сообщение: «Вчера в секции Бон-Консей говорили, что нужно прекратить спектакли из-за большого расхода в них дров и свечей»⁴⁵.

Вместе с тем театры были местом открытого выражения публикой тех или иных политических настроений. Доминирующим же настроением в первые месяцы после 9 термидора было отторжение всего, что напоминало об ушедшей в прошлое эпохе Террора. В частности, это проявлялось в упорном нежелании многих парижан носить кокарду. В сознании населения кокарда прочно ассоциировалась с якобинской эпохой, но носить ее по-прежнему обязывал закон. Согласно декрету о мерах, принимаемых, когда отечество находится в опасности, от 4–8 июля 1792 г.⁴⁶, каждый мужчина, проживающий на территории Франции или проезжающий по ней, был обязан носить национальную кокарду, за исключением послов и полномочных представителей иностранных держав, а 21 сентября 1793 г. был издан декрет, предписывающий ношение национальной кокарды и женщинам. Олар отмечает, что «ношение кокарды оставалось по-прежнему обязательно по закону,

⁴² Ibid. P. 304.

⁴³ Ibid. P. 321.

⁴⁴ Мерсье Л.-С. Картины Парижа. М., 1995. С. 184–185.

⁴⁵ Aulard A. Op. cit. T. 1. P. 403.

⁴⁶ Документы истории Великой французской революции. Т. 1. С. 495.

но женщины старались подорвать к ней уважение, и полиции беспрестанно приходилось вмешиваться, чтобы заставить носить ее»⁴⁷. В полицейских донесениях встречаются многократные подтверждения этому. Кокарды старались носить незаметно, пряча под лентами или же вовсе не надевали. В донесениях встречается информация, что однажды три гражданки попытались войти в театр Монтань без кокард, а на предложение надеть их женщины ответили отказом. Тогда билетерше запретили их впускать, и дамы «предпочли лишиться своих билетов, чем подчиниться, и ушли, не произнеся ни слова»⁴⁸. Еще в одном донесении упоминается о случае в театре Искусств, где инспектор, заметив, что несколько актрис не имели кокард, зашел в театр, чтобы приказать им надеть их. Только двое согласились, остальные ответили, что кокарды носили только якобинцы⁴⁹. На требования полицейских надеть кокарду парижане зачастую отвечали отказом и проклятиями в адрес якобинцев, говоря, что те сделали ношение этого символа обязательным, а поскольку сами они не причисляют себя к таковым, то и не намерены его носить⁵⁰.

Ненависть к якобинцам здесь выражалась и в надругательстве над бюстами якобинских деятелей, которыми были украшены театральные залы. Особую неприязнь публика испытывала к Марату, ставшему одним из символов якобинского правления. В донесении от 3 февраля говорится, что в театре Лувуа бюст Марата был низвергнут, после чего «в театре зажгли ладан, чтобы очистить то место, куда этот бюст упал»⁵¹.

Порою театры становились местом различного рода выходок «золотой молодежи», демонстрировавшей свое негативное отношение к недавнему периоду революционного правления. Так, в одном из донесений можно прочесть: «В театре Монтань молодые люди поместили бюст Жан-Жака на пьедестал, где прежде стоял бюст Марата, со словами: «Добродетель сменяет злодейство». Затем они водрузили гражданский венец на голову Руссо и в знак искупительного жертвоприношения подожгли газету Бабёфа, что было с живостью одобрено присутствующими»⁵². Неизменными были и песни против террористов,

⁴⁷ Олар А. Политическая история Французской революции. Пг., 1918. С. 357.

⁴⁸ Aulard A. Op. cit. Т. 1. P. 364.

⁴⁹ Ibid. P. 654.

⁵⁰ Ibid. P. 312.

⁵¹ Ibid. P. 499.

⁵² Ibid. P. 468.

которые распевались на всех спектаклях и повсеместно горячо приветствовались⁵³.

Не только якобинцы подвергались нападкам со стороны населения, но нередко и действующая власть. Время от времени встречаются донесения наподобие следующего: «Вечером, при выходе со спектакля, один тип прокричал на углу улиц Луа и Оноре: “Мнения свободны и я заявляю, что и якобинцы, и Конвент — мошенники, которые погубили Францию!” – и скрылся так живо, что его не смогли поймать»⁵⁴. Иногда споры принимали весьма нешуточный оборот: «Бурная ссора возникла на спектакле в «Амбигю-комик»; за кулисами обсуждали якобинцев, за и против; этот спор был настолько бурным, что без вмешательства должностных лиц ссора могла бы стать серьезной»⁵⁵.

В театры зачастую подбрасывали подстрекательские листки, направленные обычно против якобинцев. Один из полицейских доносил, что «в театре Республики была брошена листовка, и после ее прочтения раздался крик: “Долой Марата!” Суматоха продолжалась около четверти часа; в конце пьесы в театр подбросили еще одну листовку, которую не захотели зачитать». Вскоре появляется донесение из театра «Водевиль», где «публика весьма расшумелась; волнение началось из-за того, что комиссар не позволил публично прочесть две записки, которые были подброшены в театр; он говорил от имени закона, но его не захотели слушать. Вскоре один актер спел песни против якобинцев и вновь поднялся шум; опять попросили прочесть записки; комиссар был вынужден появиться вновь и сказать, что он поклялся защищать закон и не может позволить зачитать ее публично; наконец спокойствие было восстановлено»⁵⁶. Спустя несколько дней в театре «Фейдо» подбросили несколько листовок; из них прочли только одну, «принципы которой показались очень опасными и которая содержала призыв к убийству террористов, чтобы отомстить за души невинных жертв, убитых их жестокой группировкой»⁵⁷.

Вместе с тем в отличие от обсуждений в кофейнях, где виден ментальный отклик на злободневные события, театральная жизнь не была столь непосредственно связана с текущей политикой. Так, весьма бурные в политическом плане лето и осень 1795 г. оказались для теа-

⁵³ Ibid. P. 478.

⁵⁴ Ibid. P. 120.

⁵⁵ Ibid. P. 234.

⁵⁶ Ibid. P. 434.

⁵⁷ Ibid. P. 449.

тров периодом относительно спокойным: порядок там лишь изредка нарушался мелкими происшествиями вроде краж часов и бумажников⁵⁸. Большая часть донесений из театров за тот период предельно кратки: «Ничто не нарушает порядка и общественного спокойствия»⁵⁹.

* * *

Таким образом, анализ донесений полицейских агентов за период с июля 1794 г. по октябрь 1795 г. позволяет составить общую картину умонастроений парижан, выявить центральные темы их разговоров в публичных местах и на основе анализа таких бесед проследить эволюцию отношения общества к тем или иным социально-экономическим и политическим процессам. Как мы могли убедиться, общественное мнение достаточно чутко реагировало на важнейшие события политической жизни того времени. Так, и в кафе, и в театрах указанного периода самыми обсуждаемыми темами были суды над деятелями Террора, нехватка продовольствия и постоянные спекуляции, проводимые правительством реформы; позже к этим разговорам присоединилось недовольство политической Конвента. Однако лейтмотивом разговоров на протяжении всего термидорианского периода была ненависть к якобинцам, которую выражали любыми доступными способами: от уничтожения бюстов якобинских лидеров до отказа носить кокарды. И хотя иногда в кафе и театрах все же звучали голоса в поддержку бывших деятелей Террора, такие случаи носили исключительный характер. Формировавшееся в публичном пространстве термидорианского Парижа общественное мнение имело ярко выраженную антиякобинскую окраску и, очевидно, не могло оказывать соответствующего влияния и на политику властей, подгоняя их по пути демонтажа наследия эпохи Террора.

Список литературы

- Бачко Б. Как выйти из Террора? Термидор и революция. М., 2006. [Bachko B. Kak vyjti iz Terrora? Termidor i revolyutsiya. M., 2006].
- Бачко Б. Культурный поворот III года Республики // ФЕ 2000: 200 лет Французской революции 1789–1799 гг.: Итоги юбилея. М., 2000. [Bachko B. Kul'turnyj povorot III goda Respubliki // FE 2000: 200 let Frantsuzskoj revolyutsii 1789–1799 gg.: Itogi yubileya. M., 2000].

⁵⁸ Ibid. P. 292.

⁵⁹ Ibid. T. 2. P. 117.

- Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005. [Bovykin D.Y. Revolyutsiya okonchena? Itogi Termidora. M., 2005].
- Бурден Ф. Революционная аккультурация: борьба за новую социальность // ФЕ 2001. М., 2001. [Bourdin Ph. Revolyutsionnaya akkul'turatsiya: bor'ba za novuyu sotsiabel'nost' // FE 2001. M., 2001].
- Добролюбский К.П. Экономическая политика термидорианской реакции. М.-Л., 1930. [Dobrolyubskij K.P. Economicheskaya politika termidorianskoj reaksii. M.-L., 1930].
- Документы истории Великой французской революции. Том 2 / Под ред. А.В. Адо. М., 1992. [Dokumenty istorii Velikoj frantsuzskoj revolyutsii. Tom 2 / Pod. red. A.V. Ado. M., 1992].
- Мерсье Л.-С. Картины Парижа. М., 1995. [Mersier L.-S. Kartiny Parizha, M., 1995].
- Олар А. Политическая история Французской революции. Пг., 1918. [Olar A. Politicheskaya istoriya Frantsuzskoj revolyutsii. Pg., 1918].
- Тарле Е.В. Жерминаль и прерияль // Тарле Е.В. Сочинения в двенадцати томах. М., 1959. Т. 6. С. 321–563. [Tarle E.V. Zherminal' i prerial' // Tarle E.V. Sochineniya v dvenadsati tomah. M., 1959. T. 6. S. 321–563].
- Тортароло Э. Общественное мнение // Мир Просвещения. Исторический словарь под редакцией В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. [Tortarolo E. Obshchestvennoe mnenie // Mir Prosveshcheniya. Istoricheskij slovar' pod redaktsiej V. Ferrone i D. Rosha. M., 2003].
- Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М., 2007. [Tchudinov A.V. Frantsuzskaya revolyutsiya: istoriya i mify. M., 2007].
- Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. P., 1898. Т. 1–2.
- François E., Reichard R. Les formes de sociabilité en France du milieu du XVIIIe siècle au milieu du XXe siècle // Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine. 1987. № 3. Juillet-septembre.
- Mémoires du chancelier Pasquier, publiée par M. le duc d'Audiffret-Pasquier. P., 1893. Т. 1.